

ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Сумачев Алексей Витальевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Россия
E-mail: alekssumachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1133-9574

Предмет исследования: научные труды, посвященные формированию структуры уголовно-правовой нормы (гипотезы, диспозиции и санкции).

Цель исследования: выработка научно обоснованных предложений относительно отражения уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Методы и объекты исследования: в основу исследования положены диалектический метод познания, формально-юридический метод, а также методы анализа, синтеза, индукции и дедукции. Объектом исследования выступают некоторые уголовно-правовые взгляды относительно структуры уголовно-правовой нормы.

Основные результаты исследования: делается вывод об особенностях структуры уголовно-правовой нормы и ее отражении в уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, структура, гипотеза, диспозиция, санкция.

FUNDAMENTALS OF THE DOCTRINE OF THE STRUCTURE OF THE CRIMINAL LAW NORM

Alexey V. Sumachev

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law
Disciplines
Tyumen State University,
Tyumen, Russia
E-mail: alekssumachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1133-9574

Subject of research is the scientific works devoted to the formation of the structure of criminal law norms (hypotheses, dispositions and sanctions).

Purpose of research: to develop scientifically based proposals on the reflection of criminal law norms in the Criminal Code of the Russian Federation.

Methods and objects of research: the research is based on the dialectical method of cognition, the formal legal method, as well as methods of analysis, synthesis, induction and deduction. The object of the study is some criminal law views on the structure of the criminal law norm.

Main results of research: the conclusion is made about the peculiarities of the structure of the criminal law norm and its reflection in the criminal legislation of Russia.

Keywords: criminal law norm, structure, hypothesis, disposition, sanction.

ВВЕДЕНИЕ

Учение о структуре уголовно-правовой нормы привлекает внимание ученых уже с середины XIX века. Но стоит констатировать, что несмотря на то, что вопрос о структуре уголовно-правовой нормы кажется простым и решенным, пристальное внимание к данной проблеме позволяет выделить большое многообразие точек зрения как относительно самой структуры уголовно-правовой нормы, так и «места» законодательного «расположения» ее структурных элементов. Более того, анализ научной и учебной литературы по этой проблематике свидетельствует о том, что авторы учебников и учебных пособий по уголовному праву пытаются обойти названные вопросы, практически не уделяя им внимания (например, о гипотезе в лучшем случае упоминают, не раскрывая ее сущности и специфики применительно к уголовно-правовым нормам). Соответственно, в рамках данного исследования постараемся скорректировать основные установки относительно учения о структуре уголовно-правовой нормы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Первоначально отметим, что традиционный взгляд на структуру правовой нормы вообще предполагает наличие трех взаимосвязанных элементов: диспозиции, гипотезы и санкции. Вместе с тем в специальной

литературе трехчленная структура уголовно-правовой нормы порой отрицается. Так, еще А. Ф. Кистяковский указывал: «Уголовный закон состоит из двух частей: а) определительной, или диспозитивной; б) утвердительной, или санкционирующей» [4, с. 33]. При этом «первая содержит определение известного действия, в котором всегда подразумевается его запрещение или предписание; вторая совмещает в себе санкцию этого запрещения, или наказание» [4, с. 33]. Практически о том же писал Н. С. Таганцев: «Уголовные законы в тесном смысле содержат в себе всегда две части: описание того посягательства, которое запрещается под угрозой наказания, – часть определительная, или диспозитивная, и указание на саму ответственность – часть карательная, или санкция» [17, с. 37].

В. Г. Смирнов также говорил о двухчленной структуре уголовно-правовой нормы, состоящей из гипотезы и санкции, которую он определяет как диспозицию данной нормы, ибо последняя обращена к органам власти, определяющим вид конкретного наказания за совершение преступления [15, с. 34].

Не менее своеобразный взгляд на структуру уголовно-правовой нормы выражал Н. Д. Дурманов. По его мнению, структура нормы зависит от адресата уголовно-правовой нормы. Так, если уголовно-правовая норма характеризует собой запрет, обращенный к отдельным гражданам, то здесь речь идет лишь

о диспозиции и санкции; если определенный в диспозиции запрет нарушается, диспозиция нормы-запрета «превращается» в гипотезу уголовно-правовой нормы, обращенной к правоприменителю [7, с. 182]. Аналогичную позицию с точки зрения общей теории права, но преломляя ее положения применительно к отраслевым наукам, выдвигает В. Д. Перевалов. В частности, он отмечает, что «...структуру правовой нормы можно представить как систему диалектически взаимосвязанных элементов, которые взаимодействуют в ее рамках». И далее: «Указанные элементы могут взаимозаменяться, превращаться друг в друга, объединяться и выступать в единстве» [19, с. 283]. В качестве иллюстрации к своему тезису В. Д. Перевалов приводит точку зрения И. С. Самощенко, О. Э. Лейста и А. С. Пиголкина, согласно которой та часть уголовно-правовых норм, которая является диспозицией для граждан (запрет совершать общественно опасные деяния), одновременно является гипотезой для государства и государственных органов, рассматривающих дела о совершенных преступлениях [19, с. 283].

В современной литературе мнение о двухчленной структуре уголовно-правовой нормы поддерживается не всеми. Так, хотя З. А. Незнамова и отмечает, что в уголовном праве общепринята двухчленная классификация: диспозиция (где указываются деяния, признающиеся преступлениями и за совершение которых устанавливается наказание) и санкция (часть уголовно-правовой нормы и часть статьи УК, определяющая вид и размер наказания) [23, с. 23; 24, с. 16], тем не менее она указывает на небесспорность этого мнения [26, с. 31]. Но и здесь в части определения структурных элементов уголовно-правовой нормы (диспозиции, гипотезы, санкции) взгляды ученых весьма разнятся. Например, Д. Е. Кошелев предлагает достаточно сложную схему такой структуры. Так, по его словам, в гипотезу уголовно-правовой нормы органично вписываются указания: на совершение деяния, предусмотренного абзацем первым статьи или части статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ); на виновность лица и достижение им возраста уголовной ответственности; на отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и оснований для освобождения от уголовной ответственности. К диспозиции, соответственно, относится часть статьи, которая начинается словами: «наказывается...» [5, с. 172]. А санкция, по словам Д. Е. Кошелева, зависит от адресата уголовно-правовой нормы («кому адресовано содержащееся в диспозиции слово «наказывается»):

суд; органы и лица, ответственные за предварительные расследования уголовного дела; виновные в совершении преступлений [5, с. 172].

Несколько противоречивую позицию занимает Ю. М. Ткачевский. Так, отмечая, что «...норма Особенной части состоит из гипотезы, диспозиции и санкции», он утверждает, что гипотеза в уголовно-правовой норме не приводится – она только «предполагается примерно в следующей форме: «если кто-либо совершит убийство...», а далее следует диспозиция, определяющая, что следует понимать под «убийством» [8, с. 89–91].

О трехчленной системе уголовно-правовых норм, где гипотеза является единой (общей гипотезой) для всех норм Особенной части УК РФ и выражается в ст. 8 УК РФ, говорят А. Н. Комиссаров [22, с. 38], В. В. Бабурин и В. Н. Баландюк [25, с. 26–27]. Их взгляды с позиций общей теории права разделяет и поддерживает А. В. Мицкевич, указывая тем не менее, что гипотеза норм Особенной части УК РФ выражается в ч. 1 ст. 14 УК РФ, а именно в словосочетании «...запрещенное настоящим Кодексом...» [10, с. 225–226].

Как следует из представленных мнений, проблема структуры уголовно-правовой нормы и «расположения» ее структурных элементов достаточно сложная и решается неоднозначно. В этой связи стоит задаться вопросом: не слишком ли все сложно и есть ли смысл все усложнять? Если исходить из общетеоретических определений (пригодных и разделяемых в отраслевой науке) диспозиции, гипотезы и санкции, каких-либо трудностей при определении данных элементов применительно к уголовно-правовой норме не возникает.

Диспозиция уголовно-правовой нормы – это определенное (предполагаемое) поведение (например, убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку – ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Гипотеза уголовно-правовой нормы – это условия, при которых указанное в диспозиции поведение может повлечь наступление правовых последствий (применение санкций). Гипотеза уголовно-правовой нормы является сложной по своей структуре. При каких условиях «умышленное причинение смерти другому человеку» может повлечь применение санкций? Их не одно и не два, а, как правило, несколько. Во-первых, ответственность (применение санкции) за «умышленное причинение смерти другому человеку» возможна, если лицо является физическим и вменяемым (ст. 19 УК РФ); во-вторых, если лицо достигло возраста уголовной ответственности

(в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ – 14 лет); в третьих, если умышленное причинение смерти другому человеку не совершено в состоянии необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и иных состояниях, где умышленное лишение жизни другого человека не признается преступным (например, в порядке исполнения смертной казни, при лишении жизни врага на войне или в ходе антитеррористической операции и т. п.). Все названные «если» есть не что иное, как условия наказуемости (применения санкции) за «умышленное причинение смерти другому человеку», то есть гипотеза. Соответственно, не только разделяя, но и расширяя точку зрения А. Н. Комиссарова, В. В. Бабурина, В. Н. Баландюка, А. В. Мицкевича, можно сказать, что гипотеза уголовно-правовой нормы содержится в статьях Общей части УК РФ, но она (гипотеза или условия) не может быть единой для всех норм, ибо различаются возраст уголовной ответственности, условия правомерности необходимой обороны в зависимости от характера посягательства и т. п. Кроме того, «нахождение» гипотезы (отражение условий наказуемости деяний) в нормах Общей части УК РФ* представляется обоснованным по ряду причин:

- исключается излишнее «загромождение» норм Особенной части УК РФ повторными указаниями на некоторые общеприменимые условия наказуемости деяний (экономия нормативного материала);

- отражение большинства общих положений в Общей части УК РФ соответствует традициям российского (и не только) законодательства;

- отражение большинства общих положений в Общей части УК РФ способствует более эффективному изучению и усвоению положений уголовного законодательства.

Санкция уголовно-правовой нормы – это меры принуждения, которые могут применяться за совершение действий (бездействия), указанных в диспозиции нормы, и при наличии условий, определенных ее гипотезой (например, «простое» убийство наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет). Однако взгляд на санкцию как на часть статьи Особенной части УК РФ, начинающейся словом «наказывается», весьма упрощенный. Меры уголовно-правового принуждения (санкция) определяются не только исходя из положений Особенной

части УК РФ, но и, как общепризнано, основываясь на положениях Общей части УК РФ (например, на положениях глав 10, 14 УК РФ) [28, с. 65].

Как видно, приведенная схема структурного строения уголовно-правовой нормы весьма проста не только с позиций теоретических, но и с точки зрения законотворческой деятельности.

И далее, руководствуясь предметом данного исследования, определенного названием статьи, сосредоточим внимание на одном из структурных элементов уголовно-правовой нормы – диспозиции – определенном (предполагаемом) поведении, описанном в статье Особенной части УК РФ. Сразу можно отметить, что при описании преступного действия (бездействия) российский законодатель использует, как правило, дефинитивную форму, «расшифровывая» содержание того или иного понятия (конкретного преступления) [16, с. 90]: убийство – то есть умышленное причинение смерти другому человеку; кража – то есть тайное хищение чужого имущества; лжепредпринимательство – то есть создание коммерческой организации без намерения... и т. п. В других случаях подобной «расшифровке» поддается название статьи Особенной части УК РФ целиком: побои – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса; нарушение неприкосновенности жилища – незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица... и др. И лишь в некоторых, достаточно редких случаях законодатель просто использует общепонятные (общедоступные) термины: похищение человека; незаконное помещение лица в психиатрический стационар; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и др. (так называемые простые диспозиции).

Но во всех этих случаях законодатель определяет диспозиции уголовно-правовых норм (Особенной части УК РФ) в форме описания поведения. Прямых указаний на запрет такого поведения в диспозиции статей Особенной части УК РФ нет. Следовательно, форму изложения законодательного материала в этих случаях можно признать диспозитивной, хотя прежде следует определиться с существом самого термина «диспозитивность».

По мнению авторов «Юридического энциклопедического словаря», изданного в 1987 году издательством «Советская энциклопедия», «диспозитивность» (от лат. *dispono* – распоряжаю, устраиваю) является одним из основных демократических принципов

* Исключением, на наш взгляд, являются нормы Особенной части УК РФ, где определены условия применения санкций за поведение, определенное диспозицией отдельных норм или их групп (ст. 331 УК РФ, примечания к ст. 122, 127, 201, 285 УК РФ и др.).

советского гражданского процессуального права, означающим, что стороны и другие участвующие в деле лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами [29, с. 107]. О диспозитивности как принципе права говорят Л. Д. Кудинов [6, с. 30], А. С. Александров [1, с. 7], И. Л. Петрухин [13, с. 24; 14, с. 54], Л. Н. Масленникова [9, с. 15]. Таким образом, с одной стороны, диспозитивность следует рассматривать как общий принцип правового регулирования. Она определяет правовую способность частного лица самостоятельно решать вопросы о пользовании теми или иными полномочиями в конкретной сфере правового регулирования. Второй аспект диспозитивности в праве связывают со специфическим методом правового регулирования (И. Н. Сенякина [10, с. 235], Ю. А. Тихомиров [20, с. 46], Н. И. Матузов [18, с. 356], О. Г. Перминов [12, с. 6], Е. Л. Хильчук [27, с. 76–80]). Соответственно этому диспозитивность можно рассматривать и как своеобразный метод правового регулирования. Диспозитивность как метод правового регулирования выражается в нормативно предусмотренной возможности выбора поведения в зависимости от усмотрения частного лица. С общетеоретических и общеметодологических позиций диспозитивность рассматривают и как «особую модель построения правовой материи» (С. С. Алексеев): «ее суть – в предоставлении лицу возможности самому, своей волей определять собственное поведение, что открывает простор для действий лица по своему усмотрению, по своей воле и в своих интересах» [2, с. 589].

Независимо от того, в каком качестве рассматривают «диспозитивность» (как принцип права, как метод правового регулирования либо как особую модель построения правового материала), суть ее в одном – волеизъявление лица определяет возможные правовые последствия для него.

Описательная форма преступного поведения и отсутствие прямых указаний на запрет такового в диспозиции статей Особенной части УК РФ свидетельствуют о том, что человек волен действовать так, как указано в диспозиции, либо волен воздержаться от такого поведения. Иными словами, вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (а в некоторых случаях обладающее дополнительными признаками специального субъекта), само (по собственной воле) способно определять возможность наступления для самого себя негативных уголовно-правовых последствий. Следовательно, совершение преступления (его не совершение) является правом лица. Видимо,

неслучайно, анализируя наказание, Георг Вильгельм Фридрих Гегель выводил природу наказания из природы преступления, где наказание является правом преступника. В частности, Гегель утверждал: «...государство должно утвердить с согласия отдельных людей или без их согласия не только понятие преступления, разумность этого понятия в себе и для себя, но и в деянии преступника заключена и формальная разумность, волеяние единичного человека. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное право, преступник почитается как разумное существо. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; так же и в том случае, если рассматривать его как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его» [3, с. 148].

Итак, диспозиции норм (статей) Особенной части УК РФ изложены в диспозитивной форме. Принятие данного положения влечет возникновение другого вопроса: почему нормы Особенной части УК РФ называют уголовно-правовым запретом (отдельные ученые определяли уголовно-правовую норму (Особенной части УК РФ) в качестве «нетипичного уголовно-правового запрета»^{**}). Последователи теории Карла Биндинга говорят о том, что норма уголовного права не содержит запрета деяния, и преступник не только не нарушает нормы, а, наоборот, выполняет описанные в диспозиции нормы действия, то есть осуществляет своими действиями состав преступления [7, с. 184; 21, с. 217–219]. С точки зрения буквы закона так оно и есть: лицо действует в соответствии с предписаниями диспозиции уголовно-правовой нормы, более того, действует осознанно (виновно), реализуя свое право вести себя определенным образом (пусть даже и преступным). Так где же запрет?

«Нетипичность» уголовно-правового запрета (его сущность) проявляется не в прямом законодательном запрещении конкретных действий (бездействия), а выявляется посредством системно-логического анализа как структурных элементов уголовно-правовой нормы, так и посредством ее соотношения с другими нормами (нормами-принципами, нормами-дефинициями и т. п.). Так, например, источник запрета одни авторы видят в наличии санкции статьи Особенной части УК РФ [7, с. 184]; другие – «запрет всякого поведения»

^{**} Такую формулировку использовал профессор Владимир Анатольевич Никонов в устных беседах с участием автора данной статьи.

выводят из такого признака преступления, как «противоправность» (включение статьи о преступлении (или его части) в УК РФ), а равно из прямого указания в ч. 1 ст. 14 УК РФ на запрещенность деяния настоящим Кодексом [10, с. 224–225].

Не слишком ли это упрощено или, наоборот, усложнено? Удачная ли это попытка найти объяснение категории «уголовно-правовой запрет» (найти его источник)? Может быть, и удачная. Но только зачем искать объяснение тому, чего юридически (*de jure*) (в уголовном законе) не существует? Еще раз укажем, в тексте закона (статьи Особенной части УК РФ) определяется лишь вид поведенческих актов, совершение которых может повлечь применение санкций (наказания или иных мер уголовно-правового воздействия). Но и где же здесь уголовно-правовой запрет? Его, на наш взгляд, нет. По крайней мере, он (запрет) в уголовном законодательстве не сформулирован. С позиций законодательной техники юридический запрет, диспозиция статьи, например, предусматривающей ответственность за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), должна звучать следующим образом: «Запрещается убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, которое наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового». Если бы диспозиция уголовно-правовой нормы была сформулирована в таком виде, мы могли бы говорить об уголовно-правовом запрете.

В свое время Н. С. Таганцев, анализируя сущность преступления (как нарушение какой-либо границы – нарушение заповедей и норм), обращался к заповедям (нормам) нравственного, религиозного и правового характера. При этом он указывал, что нарушения (несоблюдение) норм нравственности и религии не могут быть абсолютно тождественными нарушениям преступным. В итоге Н. С. Таганцев отмечал, что преступление есть посягательство на норму права [17, с. 41–47]. Но и здесь, на его взгляд, не все просто: что есть нарушение нормы права? – нарушение ли обязанности: с одной стороны – общей («подчиняться требованиям авторитетной власти», «нормам права» или «не вредить ближнему»); с другой – специальной («не убивать», «не красть», «соблюдать санитарно-общественные требования» и т. д.); или нарушение установленного и охраняемого нормой законного права (интереса). Анализ этого вопроса позволил ему сделать вывод о необходимости «обратиться к другому, положительному, моменту нормы, к установленным и охраняемым ею правам» [17, с. 48], причем

правам не субъективным, а реализованным, воплощенным в индивидуальную или общественную жизнь (правовая норма в ее реальном бытии) [17, с. 49]. В конечном счете Н. С. Таганцев формулирует понятие преступления, порой критикуемое, порой разделяемое в науке, но известное каждому, кто занимается проблемами уголовного права, – «преступление есть посягательство на норму права в ее реальном бытии». Что из этого следует? А следствие, даже в части предмета нашего разговора, достаточно важное. Норма права, нарушаемая в результате преступного посягательства, может (а в большинстве случаев так оно и есть^{***}) не являться уголовно-правовой нормой. Даже беглый взгляд на структуру и статьи Особенной части Уголовного кодекса России позволяет с уверенностью констатировать тот факт, что все права и свободы человека и гражданина, относящиеся к объекту уголовно-правовой охраны, определены и гарантированы нормами Конституции России. Интересы государства (в самом широком смысле), выступающие в качестве объекта посягательства, также определены нормами конституционного права. Достаточно большой массив правил (выражаясь словами Н. С. Таганцева, «заповедей») определен техническими правовыми нормами: правила оказания медицинской помощи, правила дорожного движения и пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические правила и т. п. И именно в этих нормах (нормах иных отраслей российского, а равно международного) права практически всегда четко и прямо (*de jure*) определяется запрет общественно опасного поведения:

- ч. 5 ст. 13 Конституции России: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» – ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж», ст. 275 УК РФ «Государственная измена», ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 282 УК РФ «Разжигание ненависти

*** К уголовно-правовым нормам, нарушение которых возможно посредством совершения преступления, относятся лишь те, которые предусматривают непроступное причинение вреда в различных состояниях (необходимой обороны, при задержании преступника, крайней необходимости и т. п.).

либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ряд иных уголовно-правовых норм;

- ч. 2 ст. 19 Конституции России: «Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» – ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»;

- ч. 2 ст. 29 Конституции России: «Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» – ст. 282-1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282-2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации»;

- ч. 2 ст. 30 Конституции России: «Не допускается (читай «запрещается». – А.С.) экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию» – ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»;

- ч. 3 ст. 35 Конституции России: «Никто не может быть (читай «запрещается». – А.С.) лишен своего имущества иначе как по решению суда» – глава 21 УК РФ «Преступления против собственности»;

- ч. 2 ст. 37 Конституции России: «Принудительный труд запрещен» – ст. 127-1 УК РФ «Использование рабского труда»;

- ст. 45 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан»: «Медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [11] – ст. 105 УК РФ «Убийство».

И такого рода примеров великое множество.

Таким образом, нормы уголовного права (в диспозиции статей Особенной части УК РФ) описывают лишь вид (способ) преступного поведенческого акта. Поведенческий акт, исходя из смысла преступления, должен быть виновным, а соответственно, волевым. Воля предполагает выбор вида поведения – в нашем случае преступного или не преступного. Следовательно, диспозиция уголовно-правовой нормы выражена в диспозитивной форме и уголовно-правового запрета не содержит. Запрет на совершение общественно опасных деяний содержится в нормах иных

отраслей как российского, так и международного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Итак, исследование вопросов структуры уголовно-правовой нормы позволило сформулировать несколько выводов.

1. Традиционный взгляд на структуру правовой нормы предполагает наличие трех взаимосвязанных элементов и в уголовно-правовой норме: диспозиции, гипотезы и санкции.

2. Диспозиция уголовно-правовой нормы – это часть нормы, где описывается определенное (предполагаемое) поведение. При этом законодатель определяет диспозиции уголовно-правовых норм в форме описания поведения. Прямых указаний на запрет такого поведения в диспозиции статей Особенной части УК РФ нет. Норма права, нарушаемая в результате преступного посягательства, в большинстве случаев не является уголовно-правовой нормой, а является нормой иных отраслей российского, а равно международного права, где практически всегда четко и прямо (*de jure*) определяется запрет общественно опасного поведения.

3. Гипотеза уголовно-правовой нормы – это условия, при которых указанное в диспозиции поведение может повлечь наступление правовых последствий (применение санкций). Гипотеза уголовно-правовой нормы является сложной по своей структуре и содержится (в своей основе) в статьях Общей части УК РФ. При этом гипотеза не может быть единой для всех норм, ибо различаются возраст уголовной ответственности, условия правомочности необходимой обороны в зависимости от характера посягательства и т. п.

4. Санкция уголовно-правовой нормы – это меры принуждения, которые могут применяться за совершение действий (бездействия), указанных в диспозиции нормы, и при наличии условий, определенных ее гипотезой. Меры уголовно-правового принуждения (санкция) определяются не только в статьях Особенной части УК РФ, но и основываются на положениях Общей части УК РФ (например, на положениях глав 10, 14, 15.1, 15.2 УК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. С. Александров. – Нижний Новгород, 1995. – 27 с. – Текст : непосредственный.
2. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 712 с. – Текст : непосредственный.

3. Гегель, Г. В. Ф. Философия права : перевод с немецкого / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с. – Текст : непосредственный.
4. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права : Общая часть / А. Ф. Кистяковский. – Киев : Университетская типография, 1875. – Т. 1. – 413 с. – Текст : непосредственный.
5. Кошелев, В. Д. О структуре норм Особенной части уголовного права / В. Д. Кошелев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей. – Тюмень : Издательство Тюменского университета, 1999. – Вып. 3, Ч. 2. – С. 170–173.
6. Кудинов, Л. Д. К вопросу о публичности уголовного процесса в правовом государстве / Л. Д. Кудинов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменительной деятельности органов внутренних дел в новых социально-политических условиях : межвузовский сборник научных трудов. – Москва : Московская высшая школа милиции МВД России, 1992. – С. 29–31.
7. Курс советского уголовного права : в 6 томах. Том 1. Уголовный закон. – Москва : Наука, 1970. – 312 с. – Текст : непосредственный.
8. Курс уголовного права. Общая часть : Том 1. Учение о преступлении : учебник для вузов / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : Зерцало, 1999. – 593 с. – Текст : непосредственный.
9. Масленникова, Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве : монография / Л. Н. Масленникова. – Москва : Академия управления МВД России, 2000. – 180 с. – Текст : непосредственный.
10. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 томах. Том 2. Теория права / под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Зерцало, 1998. – 510 с. – Текст : непосредственный.
11. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. в редакции от 2 декабря 2000 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1318.
12. Перминов, О. Г. Уголовно-исполнительное право : учебное пособие для вузов / О. Г. Перминов. – Москва : Былина, 1999. – 231 с. – Текст : непосредственный.
13. Петрухин, И. Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 24–25.
14. Петрухин, И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – Москва : Юристь, 1999. – 392 с. – Текст : непосредственный.
15. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права / В. Г. Смирнов. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1965. – 86 с. – Текст : непосредственный.
16. Сумачев, А. В. Судебное толкование уголовно-правовых оценочных понятий / А. В. Сумачев. – DOI 10.18822/buusu20230388-93. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 88–93.
17. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право / Н. С. Таганцев. – Тула : Автограф, 2001. – Т. 1. – 688 с. – Текст : непосредственный.
18. Теория государства и права : курс лекций / под редакцией Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Москва : Юристь, 1999. – 672 с. – Текст : непосредственный.
19. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под редакцией В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – Москва : Издательская группа Норма-Инфра-М, 1998. – 570 с. – Текст : непосредственный.
20. Тихомиров, Ю. А. Публичное право : учебник / Ю. А. Тихомиров. – Москва : БЕК, 1995. – 496 с. – Текст : непосредственный.
21. Томашевский, Н. П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н. П. Томашевский. – Текст : непосредственный // Вопросы общей теории советского права. – Москва : Госюриздат, 1960. – С. 217–219.
22. Уголовное право России. Общая часть : учебник / ответственный редактор Б. В. Здравомыслов. – Москва : Юристь, 1996. – 512 с. – Текст : непосредственный.
23. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 томах. Т. 1. Общая часть / под редакцией А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – Москва : Издательская группа Норма-Инфра-М, 1998. – 639 с. – Текст : непосредственный.
24. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : конспект лекций / под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай. – Москва : Инфра-М, 2002. – 138 с. – Текст : непосредственный.
25. Уголовное право Российской Федерации : (Общая часть) : учебник / под редакцией А. И. Марцева. – Омск : Юридический институт МВД России, 1998. – 368 с. – Текст : непосредственный.
26. Уголовное право. Общая часть : Учебник для вузов / под редакцией И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. – Москва : Издательская группа Инфра-М-Норма, 1997. – 516 с. – Текст : непосредственный.
27. Хильчук, Е. Л. Некоторые проблемы применения диспозитивного метода в трудовом праве / Е. Л. Хильчук. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей. – Тюмень : Издательство Тюменского университета, 1999. – Вып. 3, Ч. 2. – С. 76–80.
28. Щелконогова, Е. В. Система Общей части Уголовного кодекса РФ / Е. В. Щелконогова. – DOI 10.17816/buusu20200162-70. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 1 (56). – С. 62–70.
29. Юридический энциклопедический словарь. – 2-е дополненное издание. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 450 с. – Текст : непосредственный.